

...все прошлое — пролог¹.

«Буря»

¹ Из пьесы Уильяма Шекспира. Перевод Михаила Кузмина
(Здесь и далее — прим. пер.).

Сейчас, Мышка, я поведаю тебе правду. Пускай мой голос донесет эти слова до глубины твоей души. Прежде чем сядет солнце, я поведаю тебе тайны, что ты так желала узнать. Ведь я тоже когда-то была девочкой и, как и ты, познала такие великие печали, что нет слов, чтобы их описать.

I

*В некотором царстве,
в некотором государстве*

Уже перевалило за полночь, когда лодочник с дочерью забрали ведьму из Воскресного дома и вернулись к реке. Старуха Искра сидела на средней банке плоскодонки в головном платке и мешковатых мужских штанах. Последние отсырели от крови, однако ее железный запах терялся в ночном благоухании жимолости, которая заполняла берега Проспера. На коленях у старухи — глубокая хлебная миска с сухими веточками эвкалипта и комьями красной земли, рассыпанными вокруг неподвижной фигурки, прикрытой белой наволочкой. Наволочка, как и старухина одежда, была в красных пятнах.

Они свернули с реки в устье байу, и вскоре их окружила густая стена ночи. Раздавались уханье совы, крики лягушки-быка, влажное хлюпанье бобра в тростнике. Миранда Крабтри сидела лицом к ветру, подсвечивая Хираму путь прожектором, закрепленным на носу лодки. Свет падал на смыкающиеся над ними ветви, на кипарисы, скребущие вдоль корпуса плоскодонки, будто костлявые пальцы. На висящих на деревьях пауков и их сверкающие серебром паутины. На щитомордника¹, взбалтывающего мелководье. Миранда выставила руки, чтобы защитить лицо от веток, вспоминая Алису в кроличьей норе, которая открывала дверцу за дверцей,

¹ Ядовитая гадюка, распространенная на юго-востоке США. Также известен как мокасиновая змея.

снова и снова, пока каждая последующая оказывалась меньше предыдущей.

— Толкай вперед! — крикнула старая ведьма.

Ветки скрежетали по металлу, когда они проталкивались дальше. Лодочник отламывал мертвые кипарисовые ветви, пока лодка не выскользнула на широкую гладь озера. Здесь Хирам заглушил двигатель, и на лягушку, сверчка и сову опустилась сверхъестественная тишина, будто их лодка каким-то образом проникла в потаенный, священный храм ночи.

На западе в небесной клетке раскатывались пурпурные безгромные молнии.

В воде виднелись жутковатые искривленные ветви, поваленные ветром. Они торчали над поверхностью, словно гробы, качающиеся в затопленных могилах.

— Что это за место? — спросила Миранда, водя прожектором по сторонам.

Но ей никто не ответил.

Впереди широкий илистый берег тянулся вдоль высокой густой рощицы, и когда лодка остановилась, уткнувшись носом в ил, старая ведьма встала, хрустнув костями, перешагнула через борт и побрела по дорожке света с миской в руках. От нее падала длинная тень.

Хирам взял из-за сиденья на корме дробовик и фонарик. Миранда знала, что эта двустволка принадлежала ее деду и была единственным стрелковым оружием, которым когда-либо владел Хирам. Она никогда не видела, чтобы он из него стрелял. Крабтри охотились из лука. Так было всегда.

— Она хочет, чтобы я пошел с ней, — сказал он. — Ты оставайся здесь.

— Но...

Он выступил из лодки в грязь и прошагал к носу. Тогда Миранда увидела его лицо в свете прожектора. Вытянутое и узкое, с первой сединой на висках, оно казалось глубоко пронизанным печалью. В воздухе между отцом и дочерью кружили капельки влаги.

— Оставайся тут, — сказал он. — Свет будет нашим маяком.

Он взял ее за подбородок и, проведя костяшками пальцев по щеке, сказал, что любит ее. Миранду это напугало, потому что подобные слова Хирам Крабтри произносил нечасто. Они ошеломили ее, точно заклинание от чего-то, какого-нибудь зла, которое ей только предстояло постичь. Он поцеловал ей тыльную сторону ладони, коснувшись нежной кожи шершавой бородой. И сказал, что вернется. Пообещал ей.

— Не гаси свет, — сказал он, после чего оставил ее, последовав за согбенной фигурой ведьмы среди деревьев. Их глубокие следы заполнялись водой, будто сама земля решила их стереть.

Весенняя ночь затихла, слышалось лишь отдаленное ворчание надвигающейся бури, еще с сумерек грозившей черными облаками, которые, будто флотилия военных кораблей, готовились обстрелять землю огнем, водой, ветром и льдом.

Несколькими часами ранее, когда Хирам разбудил Миранду, ей снилось, как она, пробираясь через лес, набрела на тропу, и та привела ее на поляну, которая поднималась к вершине холма, заросшего кудзу¹; белые цветочки сияли в лунном свете. В руках у нее был черный сомик, скользкий и мертвый; она вытащила его из байу. На холме стояла ведьмина лачуга на сваях, одно окно горело желтым пламенем. Миранда прошла по извилистой тропинке, покрытой красной глиной, взобралась по широким дощатым ступеням на крыльцо и шагнула в дом, где ждала старая ведьма. Девочка бросила рыбу старухе в миску, и ведьма, вынув из передника филейный нож, рассекла сомею брюхо. Миранда поддела большими пальцами рыбы жабры, подняла, и внутренности вывалились лиловой кучей. Старая ведьма бросила кишки в

¹ То же что пуэрария — лианообразные вьющиеся растения с синими и фиолетовыми цветками.

чугунную печь, где те зашипели и полопались на огне, а мертвая рыба затрепетала у Миранды в руках, ожила и закричала. Она кричала детским голосом.

В этот момент Хирам потряс девочку за плечо.

Она ждала на плоскодонке. Сидела, обхватив подбородок пальцами, точно так же, как чуть ранее вечером, когда ждала на крыльце Воскресного дома. Они забрали ведьму из ее лачуги в байу, а оттуда поднялись по реке к этому неприятному, брошенному пасторскому дому.

Парадная дверь была открыта, через нее врвался прохладный порывистый ветер. Прошлогодние листья метались по доскам, будто гигантские рыжие тараканы, пока внутри, за закрытой дверью спальни ведьма занималась своим древним ремеслом. Через гравийную дорожку от дома, в голом, вспученном корнями дворе перед низеньким «домом-ружьём»¹ стоял Хирам и тихонько беседовал с женщиной ростом не более пяти футов. Последний внимательно слушал, опустил голову и не вынимая руки из карманов. В окнах остальных пяти лачуг, располагавшихся под деревьями, горел свет, и несколько мужчин тревожно курили между своими дощатыми жилищами, стоя едва за пределами света огненных крылечных фонарей. Миранде они казались просто расплывчатыми фигурами.

Из пасторского дома донесся крик — каждая душа, что его слышала, тотчас замерла.

Затем еще один — вопль дикого создания, которое вырвалось на свободу и скрылось в темноте.

Хирам с карликом проскочили мимо Миранды в прихожую, но тут же, ошеломленные, застыли у подножия лестницы. Миранда протолкнулась между ними и увидела старика в черных брюках и окровавленной белой рубашке. Он неуклюже проковылял из спальни, чтобы сесть

¹ Вытянутый в длину одноэтажный дом, в котором комнаты расположены поочередно, в анфиладной планировке.

на верхней ступеньке лестницы, точно разбитая игрушка. В руках он сжимал какой-то предмет — какой именно, Миранда не видела, — а предплечья его были красными до самых манжет, которые он закатал по локоть. Миранда почувствовала отцовскую руку на плече, а когда подняла на него глаза, то увидела, что лицо Хирама стало белым как мел. Карлик справа от нее выглядел сильным и крепким, но и на его лице она заметила ужас.

Ведьма степенно вышла из спальни с миской в руках. Прошла мимо старика на лестнице, который не отрывал взгляда от далекой точки, на которой, казалось, было сосредоточено все его внимание.

С его потертых классических туфель на доски стекала кровь.

Хирам подтолкнул Миранду к входной двери, и она заметила в гостиной на первом этаже мужчину, сидевшего на антикварном диване. Молодой, подтянутый, симпатичный, он сжимал в полных губах зажженную сигарету, а в руке — стакан с янтарной жидкостью. Также при нем был пистолет и жетон.

Когда Миранда проскакивала мимо, он подмигнул ей васильково-голубым глазом.

В плоскодонке. Она тихо ждала, ковыряя ступья на голой коленке.

Прогредел гром, на этот раз ближе.

Прямо впереди из деревьев на луч прожектора вышел белый журавль. Стоя в жиге, он будто бы сиял потусторонним светом посреди болотной черноты. Миранда смотрела на него, он — на нее. Луч словно связывал их миры — Миранды и этого журавля. Она ощутила сверхъестественный трепет, мурашки забегали у нее по рукам.

Из-за деревьев донесся медленный раскатистый грохот, и это был не гром. Журавль поспешил скрыться во мраке.

Вода в отпечатках ботинок Хирама зарыбила, и Миранда ощутила, как всколыхнулась алюминиевая лодка.